

Flodr, Miroslav

Оломоуцкий скрипторий : (к вопросу о начале письменности в чешских землях)

In: Flodr, Miroslav. *Skriptorium olomoucké : k počátkům písařské tvorby v českých zemích*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960, pp. 278-288

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/126636>

Access Date: 12. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

О ЛОМОУЦКИЙ СКРИПТОРИЙ

(К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ЧЕШСКИХ ЗЕМЛЯХ)

Палеографическая работа ставит своей задачей установление законов развития — определение его основных эволюционных линий, постижение его временных и территориальных особенностей и освещение происходящих в нем причин отдельных явлений и изменений. Успешное решение этой нелегкой задачи требует изучения дошедших до нас письменных документов в рамках создавшей их обстановки (скрипторий — skriptorium). Только такой анализ позволит правильно включить письменные документы, определить их графические особенности, притом помешает одностороннему сосредоточению внимания только на формальной характеристике письменных материалов.

В истории развития письма и письменности приходится встречаться с центрами, в которых возникала письменность и деятельность которых сосредоточивалась на переписывании книг (и в случае отсутствия самостоятельной канцелярии на писании документов прежде всего для внутренних потребностей тех организаций, частью которых они были и потом для заинтересованных посторонних лиц. Сфера этой деятельности бывала различна и отвечала, как потребностям данного учреждения, так и имеющимся возможностям. Писарскую работу в таких центрах исполняли члены монастыря, капитула, школы и т. д., которые часто не были опытными переписчиками. Они приходили из разных мест, обладая уже знанием письма, так что их работа с графической точки зрения отнюдь не представляла собой единой целостности. В таких случаях лучше всего говорить о писарской мастерской. Но там, где письмо свидетельствует об обучении всех или же большинства писарей, одновременно работающих, или же нескольких поколений писарей, там, где следовательно создаются и сохраняются известные привычки и традиции, сочтем за лучшее избрать термин писарская школа. Следует осознать, что общность писарского почерка является характерной не только для книжного письма, но в гораздо большей степени также для строчного письма (минускула), которым пользовались при писании документов. Стало быть можно в данном случае говорить о писарской школе, имея в виду только характеристику графической стороны материала и оставляя название „канце-

лярия“ для уяснения чисто дипломатических условий. С другой стороны необходимо считаться с некоторым расширением рамок первоначального писарского центра. Что касается названия скрипторий (skriptorium) следует его понимать, как общий термин, стоящий выше предыдущих. В характере скриптория происходят в течение его развития существенные перемены. Это можно видеть и в рамках самого древнего периода, относящегося приблизительно к 13-му веку. В письменных памятниках 9-го века скрипторий является нам иным, чем скрипторий 12-го века. Следует принять во внимание во первых исключительность знания письма и писарского творчества, которая при процессе развития постоянно ослаблялась и во вторых — взаимную связь отдельных окружений и ее возможности в данное время. Некоторая изолированность и оторванность дают больше возможностей для появления своеобразных явлений и форм.

При изучении скриптория мы должны прежде всего отдать себе отчет в цели всей работы. Ее целью являются: а) определение размеров и характера деятельности скриптория со включением его в процесс местного и общего развития, и б) объяснение всего процесса в рамках общественного развития того времени. Эта работа избрала предметом своего исследования один из самых старых и выдающихся чешских скрипториев а именно скрипторий оломоуцкой епархии и капитулы во время епископства Генриха Здика (Jindřich Zdik). Богатство и удовлетворительное состояние, в каком находился дошедший до нас письменный материал, создают благоприятную ситуацию для объяснения намеченных проблем и также для проверки или для разработки с точки зрения методических приемов.

Корни возникновения оломоуцких епархии и капитула надо искать в тяжелой внутренне политической борьбе в чешском раннем феодальном государстве в 11-м веке. Они были основаны по инициативе чешского князя Вратислава (Vratislava), который видел в их основании желательный противовес экспансивной политике моравских удельных князей и пражского епископа. Эти обстоятельства, разумеется, отразились на положении оломоуцкой епархии. Беспрестанные споры чешского князя с пражской епархией и с удельными князьями Моравии не были конечно благоприятной почвой для развития и укрепления ново-основанного учреждения, они, наоборот, весьма чувствительно касались самого его существования. Учреждение, созданное искусственно и внезапно, с ограниченными возможностями поддержки со стороны правителя, который сам боролся за свое положение, вряд ли бы могло достигнуть выдающегося значения. Отпор против епархии был слишком силен и к тому же сплошь да рядом ее управляющие не были яркими личностями. Положение оломоуцких епархии и капитула во второй половине 11-го века было в соответствии с этими условиями. Недвижимое имущество, находящееся сплошь на территории Моравии, было невелико и кроме

того некоторая часть его представляла собой непрочную собственность. Скромны были также положения епископской резиденции и ее личный состав. Церковное влияние епископа и каноников не простиралось далеко за границы собственного центра. Епархиальное духовенство, материальное зависящее от светских господ, ведущее светский образ жизни, было более тесно связано со светским начальством, чем со своей духовной главой.

Со вступлением в должность епископа Генриха Здика (Jindřicha Zdika 1126—1150) происходят в этой ситуации коренные перемены. В его лице не стоял во главе епархии неизвестный и незначительный человек. Будучи сыном одного из выдающихся представителей чешской церкви, — декана пражского капитула Космаса (Kosmy) — он бесспорно принадлежал к высшему слою феодалов. В их ряды его ставили наряду с очевидно хорошим материальным положением особенно близкие сношения Космаса (Kosmy) с княжеским двором, не говоря уже о сношениях со двором епископа. Это была одна из главных причин, открывших ему путь к епископскому сану и сыгравших весьма важную роль в его дальнейших акциях. В этой среде он получил незаурядное образование и приобрел опыт, которые потом углубил и расширил во время своего пребывания за границей. Здик (Zdik) отдал все свои способности и силы служению программе папской курии, стремящейся к мировому владычеству, программе, постепенно формулируемой папской реформаторской партией в бое государства с церковью в 11-м и в начале 12-го веков, выдающимся представителем которой стал Здик в чешских землях. Его происхождение, тесная связь с княжеским двором, образование, дипломатическая ловкость, безграничная преданность новым замыслам сделали его в папской курии наиболее подходящим лицом для осуществления их интересов. Круг людей, на которых Здик опирался в своей деятельности, далеко не был так многочислен, как лагерь его противников, но это были сплошь представители тогдашнего феодального общества. Большое значение имела особенно поддержка княжеского двора и самого чешского князя. Здик (Zdik) приобрел ее не только систематическим и последовательным проведением политики князя, но особенно тем, что в самые критические минуты он был главной поддержкой князя и благодаря своим связям за границей умел приобрести нужную ему помощь. Авторитет епископа и так уже необычайный возрастал благодаря его связям и влиянию в кругах императорского двора, в поддержке которого чешский князь не раз нуждался и с которым был связан и в других отношениях. Особенно наблюдаем начиная с 40-х годов, как благодаря этим обстоятельствам возникает тесная связь между княжеским двором и его представителями с одной стороны и с другой — между реформаторской церковной партией, во главе которой стоял оломоуцкий епископ. Из этой взаимной совместной работы чешская церковь извлекает большую пользу. Поддерживая князя, она делает его своим сторонником, обязывает

его и пользуется им, как поддержкой для своих целей. В принципе это был такой же процесс, какой церковь практиковала и в других странах. Результаты каких добилась церковь у нас в первой половине 12-го века, были ра- зумеется самые значительные в оломоуцких условиях.

Успехи Здика (Zdik) в сфере его собственной деятельности характеризуют его дела, которые он сам облек в письменную документальную форму. Это были: во 1) перенесение епископской резиденции к новопостроенному храму, во 2) учреждение нового более многочисленного капитула, в 3) установление распорядка возведения в священнический сан духовенства оломоуцкой епархии и в 4) приобретение спорного подивинского (podivinského) имущества и иммунитета для епископских поместий. Первые три акции были проведены в жизнь в начале епископства Здика и существенным образом изменили организационную структуру и обстановку оломоуцкой епархии.

Существовавший до сих пор состав капитула при сравнительно скромном епископском костеле находился в полном противоречии с широкими намерениями нового, вступившего в должность епископа. Для повышения уровня деятельности и эффективности вверенного ему учреждения, епископ нуждался не только в большей и более пышной резиденции, но прежде всего в более многочисленном личном составе. Но для осуществления этих требований нужно было выполнить необходимые для этого условия. Способ приобретения нового имущества принадлежит к самым большим успехам моравской церкви и является замечательным доказательством ее экспансивности. Здик — исполнитель этих умыслов — воспользовался здесь старыми замковыми костелами, прежнее положение и функции которых еще не были совершенно забыты. Здик сделал из управляющих этих костелов своих протодиаконов с полномочиями в округе, совпадающем с прежним большим приходским районом. Для более тесной связи деятельности этих сановников со своим постом и для подчинения их своему влиянию, он одновременно назначил их канониками новооснованного капитула. Прежние светские служащие превратились в епископский орган. При посредстве этих протодиаконов Здик потом приобрел доступ к имуществу их костелов. Этим он не только надлежащим образом обезпечил новооснованный капитул, но подготовил также начало дальнейшей экспансии. К этим основным переменам и к некоторым дальнейшим реформам, касающимся специально духовного сословия, Здик добавил в 40-х годах еще один доход, закончивший его усилие освободить моравскую церковь от зависимости от светских властей. Именно он добился от Владислава (Vladislava) иммунитета для всех владений оломоуцкой епархии, уступки, бывшей в тогдашних чешских землях исключительным явлением. Но здесь был ряд частичных вмешательств, параллельных тенденции основных перемен и являющихся отражением этих перемен в иной области. К ним принадлежит прежде всего область письменной культуры. В этом направле-

нии возникает также в оломоуцком окружении замечательная деятельность, необычная по своему размаху и характеру.

Письменный материал ныне известный и относящийся к деятельности оломоуцкого окружения, несет на себе следы преднамеренного и систематического усилия Генриха Здика (Jindřicha Zdíka) завоевать для церкви во всех направлениях независимую и руководящую роль в обществе. Это в равной мере отражается в дипломатическом и в рукописном материале. В старой оломоуцкой епархии и в капитуле не было изобилия рукописей. То, что там находилось, не удовлетворяло своим количеством и в особенности своим характером. Содержание новоприобретенных рукописей ясно указывает на тенденцию всех этих стремлений. Прежде всего были приобретены рукописи необходимые для литургических целей. Теперь нам известны только некоторые из них. Это: известный оломоуцкий Часослов (*horologium*), прекраснейшее произведение по своему исполнению, потом Четья минея (*pasionál*), дошедшая до нас в виде небольшого фрагмента, и собрание проповедей (*homiliář*). Далее следуют произведения, дающие возможность местному духовенству понимать библейские тексты и таким образом служащие для их элементарного образования. Конкретно имеются в виду кодексы СО 98 II (толкование псалмов), СО 322 (толкование Бруно посланий апостола Павла) и СО 469 и СО 93 (поучение Григория о морали (*Řehořova Moralia*). Наконец Здик позаботился также о трудах, которые должны были найти себе применение, как пособие при решении организационных и вообще практических внутренних и внешних дел: СО 135 (Уставы римской церкви — *Ordines Romane ecclesiae*). СО 202 (Устав, устанавливающий церковный собор — Уставы церковных соборов — собрание Бурхарда из Вормса, XIII книг — *Ordo de celebrando concilio — Canones conciliorum — Collectiones Burchardi Wormacensis, XIII librorum*), СО 205 (Собрание — *Ivonis Carnotensis Collectio trium partium*) и также СО 98 I (письма Бернарда из Clairvaux — *Epistolae Bernhardi de Clara valle*). Будучи последователем и исполнителем реформаторской программы, Здик был заинтересован в том, чтобы теоретический рост и практическая деятельность подчиненного ему учреждения и его членов протекали именно в границах этой программы. Поэтому он не довольствовался приобретением каких-либо сочинений, но только тех, которые своими воззрениями отвечали его точке зрения, хотя этот путь был гораздо затруднительнее. Практически это означало необходимость обратиться к произведениям, только что появившимся, рукописное распространение которых только начиналось и отдельные экземпляры которых были мало доступны. Ведь в некоторых случаях, как например в случае СО 98 I или же СО 24, промежуток времени между возникновением оригинала и его оломоуцкой копии не превышал несколько лет. Если, несмотря на это, стремления Здика увенчались успехом, то только благодаря его многочисленным и главным

образом личным сношениям с выдающимися церковными кругами в Западной Европе. Поэтому необходимые оригиналы происходили оттуда, прежде всего из австрийско-баворского соседства, где часто Здик пребывал по церковным и политическим делам.

Но гораздо большее значение имела дипломатическая деятельность оломоуцкого окружения. Прежде всего этот вид письменности представляет собой самостоятельную, и в значительной степени оригинальную работу, насколько конечно можно говорить об оригинальности в таких случаях вообще и в особенности в средние века. Что касается рукописей, то можно утверждать, что они полностью были заимствованы. Единственно, что бы мы могли отметить, как самостоятельное участие оломоуцкого окружения кроме чисто технической стороны (переписывание, украшение книг и т. д.), это был выбор содержания. В дипломатическом материале самый характер вещей принуждал автора к самостоятельному творчеству. Весьма важно, что эта творческая деятельность нашла себе применение в дипломатической области. Это была именно та область, которая с одной стороны выходила из границ сферы чисто церковных дел и с другой стороны находилась у нас в первой половине XII-го века на первой ступени своего развития. Но мы, конечно, не будем связывать начало чешского документа только с деятельностью оломоуцкого скриптория, даже несмотря на то, что оттуда дошли до нас в сущности самые старшие оригиналы наших документов. Документ в то время был уже известен и им пользовались в чешских землях. Но необыкновенный для тех условий размах дипломатической деятельности принуждает нас отметить, как вклад оломоуцкого скриптория в развитии чешского документа, его усилие заменить существующее до сих пор спорадическое пользование документом пользованием систематическим.

Дипломатическая деятельность оломоуцкого окружения обнаруживает в своей основе те же самые характерные черты, какие мы могли отметить в рукописном материале. К ним относятся прежде всего их необычайный для того времени у нас размер, потом их преднамеренность, систематический характер изложения и связь с личностью Генриха Здика. Разумеется, что его усилие о проведении в жизнь документа проявилось наиболее последовательно в кругу непосредственно на него возложенных функций. Тотчас же в начале своей деятельности Здик облек в форму документа основные организационные перемены, коренным образом оформившие существующие до сих пор положение и структуру оломоуцкой епархии. Первый из этих документов (CDB I, č. 115) касается создания нового епископского костела и перенесения епископской резиденции к этому храму. С этим документом тесно связан документ Здика (Zdikova listina) об устройстве нового капитула. Связь состоит не только в способе и во времени возникновения документов, но и в деловой сути самого юридического акта. Создание нового капитула было в зна-

чительной степени обусловлено актом находящимся в № 115. Дальнейший документ CDB I, № 163 относится к тому же времени или же ко времени немного позднему. Он тоже касается организационной структуры оломоуцкой епархии, но на сей раз можно сказать в области литургической, ибо приносит епископское постановление о порядке рукоположения духовенства. В 40-ых годах Здик позаботился о документах (CDB I, № 138, № 157), которые решали или же документировали решение долголетнего спора между оломоуцкой и пражской епархиями о подивинском (podivínský) имуществе и кроме того давали оломоуцкой епархии исключительные для того времени права.

Интерес Здика к документам, как и вся его деятельность, не ограничивается только собственным учреждением, но принакает и в другие круги. Это происходит особенно в 40-х годах, когда Здик добивается закрепления документами важных юридических распоряжений в пользу иных церковных учреждений, в существовании которых он принимал не малое участие. Наряду с страговской уставной грамотой, которую он издал и также стилизовал, особое место занимает уставная грамота седлецкого монастыря. Здик таким образом кроме грамот (и посланий), изданных от его имени или предназначенных оломоуцкому костелу, которые он сам стилизовал, дал еще импульс или же иным образом снискал заслугу в возникновении почти всех остальных исторических документов, относящихся к его времени и сохранившихся до сих пор. Мы действительно можем заявить, что „почти все грамоты, изданные в Чехии и в Моравии во время епископства Здика свидетельствуют об его участии при их возникновении“. В его усилиях достигнуть реализации документа ясно проглядывает намерение прочно обеспечить в духе канонического права все начинания, касающиеся хозяйственного и правового положения церковных учреждений в чешском государстве.

В возникновении всех письменных документов, являющихся делом оломоуцкого окружения, принимало участие около 30-ти переписчиков. Их деятельность охватывает приблизительно два десятилетия (30-ые и 40-ые годы 12-го века). Сфера деятельности отдельных переписков была разумеется весьма различна. Меньшая часть рукописей написана всегда одним писарем. Этот факт мы конкретно установили в СО 24 (писарь VIII), СО 202 (писарь VI) и СО 322 (писарь IV). К ним можно в общем с полным правом присоединить еще СО 469 или 246 его листов пишет писарь XXVI и только 20 строк приблизительно в середине рукописи написал писарь XXIX. В остальных кодексах выступают три и более писарей. В СО 135 и в СО 193 — три писаря, в СО 98 II — 7 и в рукописи СО 98 I и СО 205 даже 9 писарей. Участие большего числа лиц в писании кодекса проявляется несколькими различными вариантами. Один из них находим в СО 93, в котором писаря, принимающие участие в работе, поочередно сменяют друг друга. Другой

способ указывают кодексы СО 135 и СО 98 II. Здесь подлинник был разделен на несколько частей и работа происходила над всеми частями одновременно. Последний вариант отличается тем, что работа отдельных писарей переплеталась. Особенно характерен для того способа СО 205. В принципе этот кодекс создан таким же способом, как СО 135 или же СО 98 II. Но в каждой из его частей работа главного писаря (XIII, II) прерывается мелким вмешательством целого ряда взаимно чередующихся лиц (IV, V, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII). Переплетание работы писарей встречается также в СО 98 I с некоторым отклонением в том смысле, что дело состоит скорее в комбинировании этого способа с первым из выше приведенных вариантов.

Поэтому вмешательство большинства писарей (приблизительно две трети из их числа (не имело особого значения и было несистематично, так что их деятельность абсолютно их не квалифицирует, как лиц, занимающихся исключительно — или лучше сказать прежде всего — переписыванием кодексов (или грамот). Такими были без сомнения писаря I—IV, VI, VIII—X, XIII, XVIII, XX. По существу именно они являются представителями настоящего скриптория (*scriptorium*), потому что прежде всего благодаря их деятельности возникают все письменные документы. Только там, где они прерывают свою работу, — что бывает вызвано различными причинами, — наступает случайное вмешательство лиц, очевидно присутствующих (будь случайно или же при исполнении каких-нибудь определенных подсобных обязанностей) в помещениях скриптория. При этом размер участка работы такого „случайного“ писаря зависит вероятно от длины прерванного места в работе. Только таким образом мы можем пока объяснить совокупность положений, представленных нам особенно кодексом СО 205 и являющихся среди известных до сих пор случаев совершенно единичным явлением.

Стало быть в скриптории более систематически занимаются переписыванием рукописей и писанием грамот 4—6 писарей, т. е. число, вполне соответствующее крупным скрипториям того времени. Писарей набирали из среды клериков и быть может и каноников оломоуцкого костела. Об этом согласно свидетельствуют все обстоятельства возникновения отдельных письменных документов. Писарская работа, конечно, не была их единой деятельностью. Само собой разумеется, что они ею занимались в первую очередь и в зависимости от внезапных потребностей состав таких работников регулировался и дополнялся. Так например, внезапная нужда в большом количестве книг основного характера в начале периода реорганизации и расширения учреждения требовала большего числа писарей, занимающихся писарской работой. Ибо мы видим, как из ряда сперва только случайно появляющихся добавочных писарей в позднейшее время выходят некоторые писаря (IV, VIII), которым поручали писание рукописей.

Большая часть писарей не была лицами, исключительно и систематически

занимающимися писарской деятельностью. Об этом говорят как графическая сторона, так и качество подачи переписываемого текста. Что касается первой, мы обнаруживаем почти у всех писарей более свободный и более тонкий почерк, частую нерегулярность и малую стабильность письменных форм. Во втором же случае находим ряд недостатков и погрешностей. Это касается не только перескакивания строк и пропуска более обширных мест оригинала, являющихся следствием невнимательности писаря; мы часто встречаемся в средневековой рукописной практике с этой отрицательной чертой. Более серьезным является то, что мы нередко наталкиваемся в переписанном тексте на такую форму совершенно искаженных слов, что у нас действительно возникают серьезные сомнения не только о старательности писарей, но и об их способностях.

Работа писарей не ограничивается только переписыванием соответствующего текста, но находится в связи как с подготовительными, так и с заключительными работами. Писарь, или же писаря также оформляют и украшают письменный документ, так что рукопись, как единое целое, является творением этих писарей. Здесь не проведена граница, разко отличающая работу писаря и, можно сказать, художника. Поскольку в этом направлении проявляется некоторое разделение труда, оно происходит более всего между переписчиками одного и того же кодекса.

Писаря при украшении и оформлении рукописи преследуют в сущности две цели: а) практическую (улучшение ясности текста) и б) эстетическую (художественное украшение рукописи). Оба эти момента не находят себе применения в одинаковой степени в оломоуцких рукописях. Хотя все рукописи преследуют и разными способами стараются реализовать практическую цель, но только в некоторых из них выступил или же должен был выступить художественный момент. Основным элементом, увеличивающим ясность текста, являются заглавия (*titra*) и начальные (заглавные) буквы (*versálky*). Для заглавий выбрался большей частью текст, написанный красными чернилами и обычными строчными буквами (минускулой). Только начало и заглавия отдельных книг или глав писались прописными буквами (маюскулой). Некоторым изменением этого способа являются те случаи, когда отдельные буквы были написаны обыкновенными чернилами и только и фон — киноварью. При этом подчеркивалось все заглавие красной краской. Заглавные буквы, большей частью выполненные киноварью и только иногда обыкновенными чернилами, находятся на первом месте книг, глав, абзацев и отдельных предложений. Но, конечно, не всюду одинаково широко пользовались заглавными буквами. Почти самое большее число их находится в SO 202 и в SO 205, которые и в остальном принадлежат к лучше всего оформленным и исполненным рукописям. К ним в этом отношении принадлежит еще SO 135. Заглавные буквы обладают характерными формами так назы-

ваемой готической маюскулы. Их оформление с одной стороны показывает ряд общих черт, преимущественно характерных для данной эпохи, в то время как с другой стороны мы наблюдаем разницу в украшении основных форм, равно как и несходность различных типов заглавных букв у одного и того же писаря. Признаком, сопровождающим заглавия, является применение красных и волнистых линий и других украшений для заполнения неоконченных строк или же для большей выразительности титула. По существу этот элемент уже исполняет функцию эстетического момента.

Довершением украшения оломоуцких рукописей служат инициалы. Первоначальным умыслом было снабдить ими почти все старые кодексы, т. е. SO 135, SO 202 и SO 205. Но вполне и в действительно высшей степени это произошло только в SO 205. Мы встречаемся с более скромным числом инициалов еще в SO 24. Совершенное особое место занимает рукопись Часослов (*horologia*). В первых двух из выше упомянутых случаев эти инициалы имеют обычный вид рисунка пером, сделанного киноварью, из основных контуров которого вырастает скромная или же умеренно растительная орнаментировка. Инициалы Часослова еще исполнены в духе более старых обычаев в виде золотого растительного завитка с контуром, сделанным киноварью. Здесь и в SO 205 фон инициалов образует комбинирование зеленой, синей и желтой красок акварельного проведения.

Что касается самого почерка только у двух писарей проявляется тесная близость (II и IV). В остальном у писарей скриптория не существуют каких-нибудь более тесных связей кроме весьма общих и соответствующих тому времени. Отсутствует тут общность в графическом проявлении, которая была бы отражением тесной генетической связи писарей, такой связи, которую мы бы могли обозначить понятием „писарская школа“. Если будем сравнивать результаты писарской деятельности остальных местных и чужих скрипториев (насколько вообще возможно сделать такие сравнения при данных обстоятельствах), во многих местах обнаруживается связь с писарскими обычаями соседней австрийской области.

Деятельность оломоуцкого скриптория находится в тесной связи с экспансивными стремлениями чешской церкви, которые достигли во время епископства Генриха Здика (*Jindřicha Zdičky*) весьма определенных и ярких форм. Размах и характер деятельности этого скриптория несут на себе отпечаток тех вмешательств и перемен, при помощи которых Здик хотел в духе реформаторской программы римской курии XI и XII-го веков освободить церковь от существующей до сих пор зависимости от светской власти и хотел в конце концов сделать церковь решающим фактором в государстве. Здик, будучи ревностным и агрессивным сторонником папских стремлений к мировому господству, в сущности начал с полной интенсивностью бой государства с церковью в чешских землях. Имея поддержку в лице правителя, он разо-

шелся с большинством феодалов и даже с самым духовенством. Достигнутые результаты, хотя и были во многих отношениях замечательны, но не имели особой эффективности и главное еще долгое время не нашли последователей. Не произошло это даже в сфере непосредственного влияния и мощи самого Здика.

Перевод Веры Новотной